

П. К. Дашковский, Н. П. Зиберт

Правовое и экономическое положение православного духовенства в 1930-е годы на юге Западной Сибири

С конца 1920-х годов в условиях начавшихся индустриализации и коллективизации новой формой сельского хозяйства должны были стать коллективные хозяйства. Процесс коллективизации сопровождался массовым закрытием церквей — только в 1928 г. в стране было закрыто 534 храма, в 1929 г. — 1119¹. На юге Западной Сибири коллективизация осуществлялась параллельно с усилением гонений как на кулаков, так и на священников, традиционно обвинявшихся в сотрудничестве с последними². Под тотальный контроль государства попали все сферы жизни общества, в том числе религия.

Изменения антирелигиозной политики, произошедшие в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х годов, негативно сказались не только на функционировании религиозных общин и их численности, но и на положении православных священнослужителей, в частности на юге Западной Сибири. На протяжении 1930-х годов эта территория входила в разные административно-территориальные единицы. До середины лета 1930 г. бывшие Алтайская и Новониколаевская губернии, наряду с Енисейской, Томской и Омской губерниями, стали частью Сибирского края. 30 июля 1930 г. Постановлением ВЦИК Сибирский край переименован в Западно-Сибирский. 28 сентября 1937 г. ЦИК СССР разделил Западно-Сибирский край на

Дашковский Петр Константинович

д-р ист. наук,
проф., Алтайский
государственный
университет
(Барнаул, Россия)

Зиберт Наталья Петровна

канд. ист. наук,
ст. преп., Алтайский
государственный
университет
(Барнаул, Россия)

Алтайский край с центром в Барнауле и Новосибирскую область с центром в Новосибирске³.

Неоднородное по составу, крестьянство неоднозначно реагировало на происходящие перемены. В условиях усиленного навязывания режима основная масса крестьян, особенно старшего поколения, упорно придерживалась прежних консервативных взглядов, в том числе в отношении религии, форм общения и стандартов поведения. В то же время молодежь, будучи более политизированной, быстро осваивала новые идеологические и поведенческие стереотипы⁴. Ввиду этого сельский актив формировался преимущественно из молодых людей, вышедших из бедняцкой среды, с уже сформированным представлением о «чуждых элементах» как о людях, подлежащих социальному и физическому уничтожению⁵. Не поддающаяся административному контролю, религиозная жизнь населения также подлежала полному искоренению.

В конце 1929 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», регулирующее основные права и обязанности религиозных обществ, однако одними из самых распространенных методов воздействия оставались меры экономического влияния и повышенное налогообложение священнослужителей. Велась политика, направленная на искоренение духовенства как социального института. В частности, указанное постановление лишило духовенство избирательных и гражданских прав. Местные власти увольняли с работы всех, кто, как считалось, относился враждебно к советскому обществу и рабочему классу. Вследствие этого священнослужители лишились возможности дополнительного заработка. Кроме того, против руководителей религиозных организаций были направлены некоторые статьи Уголовного кодекса РСФСР. Например, ст. 227 УК РСФСР позволяла преследовать лиц, осуществляющих деятельность, проводимую под видом проповедования религиозных обрядов⁶. Помимо этого, на духовенство накладывали многочисленные денежные взыскания, такие как сельскохозяйственный налог, облигации госзаймов, взыскания на индустриализацию, тракторизацию и на приобретение инвентаря⁷. В начале 1931 г. Наркомат финансов СССР разработал специальные правила для исчисления подоходного налога при обложении хозяйств служителей культа. Эти правила предполагали, что сумма исчисляемого для хозяйств духовенства подоходного налога не могла превышать налогообложение аналогичных трудовых хозяйств более чем в два раза. При привлечении служителей культа к самообложению размеры последнего не должны были превышать сельскохозяйственный или подоходный налог⁸.

Духовенству очень дорого обходилась аренда жилья, так как местные жители старались не иметь со священнослужителями дел, опасаясь общественного порицания и наказания властей. Неблагоприятно сказалось на материальном положении священнослужителей и повышение розничных цен в 1931 г. В результате население вынуждено было рассчитываться за религиозные обряды сельхозпродукцией, что практически разорило рядовое духовенство. Так, в Солтонском районе Западно-Сибирского края прихожане из-за отсутствия денег рассчитывались со священником Сергием Ивановским калачами, картофелем и «прочей съестной мелочью»⁹. Весьма показательны письмо епископа

Ижевского Синезия (Зарубин) митрополиту Сергию (Страгородскому) о том, что священники задавлены различными обложениями и принудительными работами. Обложение могло производиться мясом, льном, маслом, яйцами, сельскохозяйственными животными и дичью. Подобные факты регулярно фиксировались в ряде населенных пунктов страны, в том числе и в Западно-Сибирском крае. Так, в 1933 г. в Ордынском районе, протоиерей Николай Ермолов по требованию сельского совета должен был представить в трехдневный срок 100 кг мяса. Впоследствии из-за невыполнения данного постановления священнослужитель два месяца провел под арестом¹⁰. В августе 1936 г. уполномоченный комитета заготовок по Кировскому району г. Новосибирска Жабин привлекал священника Буретской церкви Н. Н. Попова к обязательной поставке мяса государству по полуторной норме единоличников данного района, так как Попов являлся служителем культа, при этом государственная власть не брала в расчет, есть ли у него домашний скот¹¹.

Священнослужители многих сел Алтая в рапортах епископу неоднократно указывали на свое крайне тяжелое положение. Так, прихожане Покровской церкви с. Старо-Белокуриха рассчитывались за совершенные требы хлебом¹². Священник с. Усть-Алейка был вынужден подать прошение о переводе на службу в церковь с. Калманка из-за невозможности прокормить себя¹³. Его предшественник Павел Самборов также оставил Усть-Алейский приход в 1931 г. по причине отсутствия в нем хлеба¹⁴. Церковный совет Михаило-Архангельской церкви с. Токарево в 1933 г. обратился к епископу Барнаульскому Иакову с просьбой прислать священника: «...желательно малосемейного (по случаю неурожая), дабы не остаться нам вовсе сиротами»¹⁵.

О бедственном положении священнослужителей можно судить и по рапорту протоиерея А. Денисова Алтайскому епархиальному управлению: «Настойчиво требуют страховку, а на днях имеют быть и новые налоги на наступающий год: платить нечем. Материалы о природе тихоновщины и о борьбе с нею получены, но проработать их негде и не с кем: служб нет, частного дома не находится; рассылать эти материалы почти некому и не на чем: бумаги — ни клочка. <...> Налоги на текущий год давно все уплачены, но за неподачу декларации на меня наложен штраф в 200 руб., и край утвердил [его]. Вообще вопрос поставлен: быть или не быть. Защиты искать негде»¹⁶.

Много сил священнослужители тратили на поддержание жизнедеятельности прихода и административно-хозяйственную работу, особенно в тех случаях, когда приходилось подстраиваться не только под местную власть, но и под церковный совет. Конфликты священнослужителей с церковными советами были достаточно распространены по стране, в том числе на юге Западной Сибири. Так, в 1933 г. в епархиальное управление поступила жалоба из с. Шелаболиха от священника Алексея Матвеева, в которой он указывает на невозможность собрать церковный совет и договориться с последним о выплате налогов¹⁷. Церковный староста Свято-Покровской церкви с. Старо-Белокуриха присвоил церковные запасы хлеба, в связи с чем стало невозможным исполнение церковных треб. Кроме того, им были присвоены 8 пудов хлеба, переданных ему священником для хранения. Ревизионная комиссия

при проверке данного прихода в сентябре 1932 г. установила растрату более 4 тыс. руб., не считая постоянных недостатков от продажи свечей¹⁸. Более того, нередко сами финансовые органы завышали сумму приходского дохода, требуя заплатить соответствующие налоги¹⁹. Вследствие этого служители церкви старались поддерживать доброжелательные отношения с органами власти. Так, в сентябре 1932 г. церковный совет Знаменской общины Барнаула подарил Барнаульскому городскому Совету рабочих и крестьянских депутатов бархатный ковер с цветами²⁰.

Еще одной проблемой для жизнедеятельности приходов стали участвовавшие кражи. В частности, в ночь на 16 июня 1932 г. злоумышленники проникли внутрь Знаменского собора Барнаула. В ходе ограбления была разбита церковная касса, из которой пропала денежная наличность, точная сумма которой осталась неизвестной. Кроме того, похитители украли 49 различных предметов, в частности серебряную и медную посуду, белье, покровы на престол и жертвенник, настольные и аналойные облачения, фартуки для подсвечников и полотенца. Все украденные вещи оценивались на общую сумму 88 руб. (табл. 1).

Другой случай ограбления храма в Барнауле произошел в ночь с 23 на 24 декабря 1935 г., когда было ограблено здание Иоанно-Богословской церкви Барнаульской епархии. Неизвестные, разломав железную решетку и разбив оконное стекло, попали внутрь храма. Согласно составленной описи, со святого престола были украдены дарохранильница и святые дары. С жертвенника исчезли чаша, дискос, звезда, лжица, копие, тарелки и ковшики, похищены дароносица с принадлежностями, напрестольный крест, занавес с царских врат, три священнических облачения, а со шкафа с евангелием грабители сорвали крышку. По свидетельству священника М. Мошина, святой престол и весь алтарь были осквернены «святотатством и неверующими», поэтому в дальнейшем совершать церковную службу не представлялось возможным²¹. Другая кража произошла в с. Старо-Тырышкино в 1935 г. Неустановленные лица, подобрав ключи от дверного замка храма, похитили пять скатертей, пять полотенец, старую ризу и два подризника²².

С начала 1930-х годов по всей стране, в том числе на юге Западной Сибири, усилились гонения на священнослужителей. Так, протоирей Вознесенской церкви Барнаула Горбовский был осужден на шесть месяцев за неуплату налога, а за оказанное при описании имущества сопротивление выслан на Урал. Псаломщик Новосибирского Воскресенского кафедрального собора Постников был арестован в 1930 г. ОГПУ Западно-Сибирского края и за контрреволюционную агитацию осужден на 5 лет концлагерей. За аналогичное преступление в 1933 г. псаломщик колыванской церкви Подкопаев был осужден на 10 лет²³. Нередко по обвинениям в антисоветской (контрреволюционной) агитации священнослужителей не только заключали в тюрьмы, но и расстреливали²⁴. Высшая мера стала применяться с первых лет советской власти, хотя наибольшего масштаба репрессии достигли, конечно, в 1930-е годы. По имеющимся данным, летом 1931 г. в Западной Сибири из 3,5 тыс. арестованных органами ОГПУ доля духовенства составляла 3,5%. В 1933 г. в числе арестованных Барнаульским ОГПУ по подозрению к принадлежности к «белогвардейскому

Таблица 1

**Перечень вещей, похищенных в ночь на 16 июня 1932 г. из Знаменского собора
Барнаула, и сумма ущерба**

Наименование вещей	Кол-во предметов	Сумма, руб.
Антиминс	1	нет сведений
Копие стальное	1	1
Медный подсвечник	1	25
Серебряный ковшик	1	4
Иллитон	5	10
Косяки голубые с херувимами	2	1
Покровы на престол и жертвенник:		
— вязаные с красными цветами	1	3
— желтого цвета	1	3
— желтые с цветами по бокам	2	6
— покров из шелка без кистей	1	3
— парчовый белый с красными цветами	1	3
— покров для умерших розовый атласный	1	3
— кашемировый белый плат	1	3
— покров настольный с красными цветами	1	2
Белье парчовое	1	2
Белье голубого цвета	1	2
Пелены для аналоев	3	6
Кисейная пелена для плащаницы		
Фартуки для подсвечников	17	5
Полотенца	4	2
Облачения настольные и аналойные:		
— клеенчатые	2	3
— желтые с цветами по бокам	1	1
Итого	49	88

Источник: ГААК. Ф. 536. Оп. 1. Д. 233. Л. 25.

Таблица 2

Кадровый состав Барнаульской и Бийской епархий по состоянию на 1935 г.

Духовенство	Кол-во, чел.
Священнослужители	94
В том числе:	
— протоиереи	31
— игумены	3
— священники	49
— иеромонахи	8
— протодиаконы	1
— диаконы	2

Источник: ГААК. Ф. 536. Оп. 1. Д. 242. Л. 72.

заговору» было 97 священнослужителей²⁵. 28 января 1934 г. по обвинению в заговоре против советской власти арестован дьякон с. Павловское Г. Хлапцев. Под давлением милиции он был вынужден написать обличительное письмо в редакцию местной газеты²⁶. В с. Усть-Пристань священник и члены приходского совета церкви, подозреваемые в нарушении религиозного законодательства, в ожидании суда находились под подпиской о невыезде. В то время как суд по данному делу постоянно переносился, в с. Буланиха за нарушение законодательства на церковный совет был наложен штраф в размере 400 руб.²⁷ Нередко на защиту священнослужителей выходили жители села. Например, в с. Бураново Черепановского района прихожане храма, защищая местного священника от судебного произвола, выгнали представителей власти. В непростой ситуации оказались не только рядовые священнослужители, но и высшие иерархи церкви. Так, в 1931–1934 гг. среди них было арестовано более 30 чел.²⁸ Репрессии коснулись православного духовенства и в других районах юга Западной Сибири, в том числе в Ойротской автономной области, которая частично располагалась в труднодоступных горных районах Алтая²⁹.

С декабря 1934 г. в стране началась новая волна репрессий, которая не могла не коснуться духовенства в регионах. Поводом для нового витка репрессий послужило убийство члена ЦК ВКП(б) С. М. Кирова. В сложившихся условиях численный состав духовенства стал еще стремительнее снижаться. Репрессии коснулись также духовенства Барнаульской и Бийской епархий, численность которого по состоянию на 1935 г. была относительно небольшой (табл. 2).

Очередная волна репрессий, которые привели к массовому уничтожению священнослужителей в Сибири, началась в СССР в 1937 г. после приказа наркомата НКВД от 30 июля 1937 г. № 00447³⁰. Репрессии касались священнослужителей, занимавших разные уровни в церковной иерархии. Так, в 1937 г. по обвинению в руководстве и участии в «Сибирском церковно-монархическом

центре» арестованы архиепископ Новосибирский Сергей (Васильков), настоятель Свято-Никольской церкви с. Новолугового архимандрит Сергей (Скрипальщиков), благочинный Новосибирских церквей протоиерей Александр Аристов, клирик Вознесенской церкви г. Новосибирска протоиерей Василий Вавилов и счетовод той же церкви Т. А. Щукин. 25 июля 1937 г. все обвиняемые приговорены Тройкой УНКВД по Западно-Сибирскому краю к высшей мере наказания³¹. В дальнейшем по делу «Сибирского церковно-монархического центра» арестовали еще 101 чел.³² Всего в Новосибирской епархии в течение 1937–1938 гг. арестовано и осуждено более 200 чел.³³

В Барнауле дело о церковно-монархической группе также стало одним из наиболее массовых по числу расстрелянных. В сентябре 1937 г. расстреляны священники старообрядческой Крестовоздвиженской церкви Барнаула: о. Петр Плотников, о. Григорий Мишуков, протоиерей о. Иаков Чучалин, обвинявшиеся в принадлежности к «контрреволюционной эсеров-монархической организации» и в «подготовке вооруженного восстания против советской власти»³⁴. Аналогичных масштабов репрессии достигли и в Ойротской автономной области. В том же году там были расстреляны священнослужитель Улалинского миссионерского Новониколаевского женского монастыря Ф. П. Нишкун, священники церкви в с. Майма-Чергачак П. Г. Бондаренко и А. М. Самошкин³⁵.

Аналогичные судебные процессы по сфабрикованным обвинениям прошли и во многих других областях РСФСР. Так, свердловский митрополит Михаил (Трубин) был обвинен в том, что он «является организатором и руководителем действовавшей на Урале контрреволюционной фашистской организации церковников по линии “Обновленческой ориентации”»³⁶. Летом 1937 г. в Челябинской области «вскрыта и ликвидирована повстанческая организация духовенства и церковников», общая численность которой якобы превышала 1000 чел. Проходившие по делу 85 чел. (баптисты — 34 чел., священники — 4 чел., монашки — 5 чел., церковно-кулацкий актив — 18 чел.) расстреляны³⁷.

С начала 1930-х годов в Западно-Сибирском регионе значительно увеличилось количество закрываемых крайисполкомом церквей. Так, по данным уполномоченного по делам Русской православной церкви при СНК СССР, за 1931–1937 гг. постановлениями Западно-Сибирского крайисполкома прекращена деятельность 185 православных храмов³⁸.

Таким образом, ужесточение мер экономического воздействия и обложение священнослужителей различными сборами и налогами было нацелено на постепенное уничтожение религиозной жизни в стране и истребление священнослужителей как класса. Массовые репрессии, направленные против последних, в совокупности с активным закрытием церквей на всем протяжении 1930-х годов привели к прекращению деятельности всех храмов на территории Барнаульской епархии в 1938 г. и ее последующему вхождению в состав Новосибирской епархии.

¹ Приводится по: *Козлов Ф. Н.* Закрытие церквей как элемент государственной антирелигиозной политики в конце 1920-х — начале 1930-х годов (по материалам национальных республик Среднего Поволжья) // *Вестник Чувашского университета*. 2014. № 1. С. 26–34.

² См. об этом: *Бурик Н. М.* Образ священника на страницах газет Барнаула накануне Первой мировой войны и в первое десятилетие советской власти // *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых* / отв. ред. Р. Е. Романов. Новосибирск, 2011. С. 187.

³ *Справочник административно-территориальных изменений на Алтае. 1917–1980* / сост. Т. М. Кальная и др. Барнаул, 1987. С. 17, 19.

⁴ См. об этом: *Кузнецов И. С.* На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001. С. 228.

⁵ Там же. С. 223.

⁶ См. об этом: *Арзуматов И. А.* Методологические концепты вероисповедной политики России в Восточной Сибири XVIII–XXI вв. Улан-Удэ, 2007. С. 85.

⁷ См. подробнее: *Марченко А. Н.* Материальное положение православного духовенства в России в 1918–1957 гг. // *Российская история*. 2008. № 4. С. 104–113.

⁸ См. об этом: *Козлов Ф. Н.* Государственно-церковные отношения в 1917 — начале 1940-х гг. в национальных регионах СССР (на примере республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии). М., 2017. С. 286.

⁹ Государственный архив Алтайского края (далее — ГААК). Ф. 536. Оп. 1. Д. 233. Л. 103.

¹⁰ Приводится по: *Бочкарев В., прот.* Священномученики Иннокентий и Николай: опыт документального жизнеописания // *Богословский сборник*. 2005. № 1. С. 17–33.

¹¹ ГААК. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 436. Л. 22.

¹² Там же. Ф. 536. Оп. 1. Д. 235. Л. 100.

¹³ Там же. Л. 187.

¹⁴ Там же. Д. 233. Л. 62.

¹⁵ Там же. Д. 235. Л. 78.

¹⁶ Там же. Д. 27. Л. 7.

¹⁷ Там же. Д. 235. Л. 77.

¹⁸ Там же. Д. 233. Л. 100.

¹⁹ См. об этом: *Сосковец Л. И.* Приходское духовенство Западной Сибири в послевоенный период // *Вестник Томского государственного университета*. 2003. № 276. С. 153–163.

²⁰ ГААК. Ф. 536. Оп. 1. Д. 233. Л. 99.

²¹ Там же. Д. 240. Л. 17.

²² Там же. Д. 238. Л. 116.

²³ Приводится по: *Сосковец Л. И.* Приходское духовенство Западной Сибири... С. 153–163.

²⁴ См., напр.: *Крейдун Ю. А.* Храмы Горно-Алтайская и его предместий в XX — начале XXI в. Барнаул, 2010. С. 90–92; *Эшматова Г. Б.* Репрессии против служителей культа на Алтае в первые годы советской власти // *Народы и религии Евразии*. 2018. № 2(15). С. 89–90; *Поклонов В. В.* Разгром контрреволюционной повстанческой церковно-монархической организации органами ОГПУ в 1933 г. На материалах уголовного дела № 15 «О репрессиях против православных священнослужителей и верующих на Алтае» // *Макарьевские чтения* / ред. Ф. И. Куликов. Горно-Алтайск, 2016. С. 98–100; и др.

²⁵ Приводится по: *Сосковец Л. И.* Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е гг. XX в. Томск, 2003. С. 348.

²⁶ ГААК. Ф. 536. Оп. 1. Д. 236. Л. 127.

²⁷ Там же. Д. 233. Л. 91.

²⁸ Приводится по: *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014. С. 219.

²⁹ См. об этом: *Эшматова Г. Б.* Репрессии против служителей культа... С. 86–96.

³⁰ См. подробнее: *Овчинников В. А.* К вопросу о периодизации истории Русской православной церкви в Сибири в советский период (1917–1991 гг.) // *Вестник Кемеровского государственного университета. Сер. История. Исторические науки*. 2015. № 1(61). С. 72–80.

³¹ Приводится по: *Прот. Виталий Бочкарев*. Священномученики Иннокентий и Николай. С. 17–33.

³² Там же.

³³ См. об этом: *Овчинников В. А.* К вопросу о периодизации... С. 72–80.

³⁴ См. об этом: *Старухин Н. А.* Белокриницкое согласие на Алтае: барнаульская Крестовоздвиженская церковь // Старообрядчество: история и культура / под ред. Л. С. Дементьевой и др. Барнаул, 1999. С. 93–103.

³⁵ См. подробнее: *Эшматова Г. Б.* Репрессии против служителей... С. 89–90.

³⁶ *Худобородов А. Л., Яшина М. А.* Репрессивная политика советского государства в отношении Русской православной церкви (1920–1930-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2011. № 30(247). С. 61–65.

³⁷ Там же.

³⁸ Приводится по: *Овчинников В. А.* К вопросу о периодизации... С. 72–80.

Статья поступила в редакцию 19 января 2019 г.

Рекомендована в печать 5 марта 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Правовое и экономическое положение православного духовенства в 1930-е годы на юге Западной Сибири // *Новейшая история России*. 2020. Т. 10, № 2. С. 440–450. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.211>
УДК 930

Аннотация: В статье рассматривается положение православного духовенства на юге Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики на протяжении 1930-х годов. Постановление «О религиозных объединениях» и другие нормативно-правовые акты, принятые советской властью в 1930-е годы, были направлены на постепенное уничтожение религиозной жизни в стране. Следствием нового курса в государственной религиозной политике стало закрытие в регионах многих храмов и усиление репрессивных мер против священнослужителей. В статье проанализированы методы работы, использовавшиеся советской властью для предотвращения распространения религиозных вероучений на территории Западно-Сибирского края и негативно сказавшиеся на положении православного духовенства. Кроме того, показано отношение различных слоев населения к происходившим в духовной жизни переменам. В тот период служители культа облагались многочисленными принудительными сборами и привлекались к различной трудовой повинности. Изживание священнослужителей как класса сопровождалось и усложнялось многочисленными конфликтами священников с приходскими церковными советами, а также с местными органами власти. Серьезными проблемами стали осквернение храмов и участвовавшие кражи церковного имущества, что существенно затрудняло, а зачастую делало невозможным проведение церковных служб. Повышение розничных цен в 1931 г. разорило прихожан многих церквей и поставило служителей культа в крайне бедственное положение. Одновременно с этим было усилено репрессивное преследование духовных лиц, в ходе которого многие из них были арестованы и расстреляны. Снизившаяся численность священнослужителей угрожала существованию и функционированию многих приходов Западной Сибири, а обострившиеся с 1937 г. гонения на священнослужителей в совокупности с активным закрытием церквей привели к 1940 г. к исчезновению Барнаульской епархии и вхождению ее территорий в состав Новосибирской епархии.

Ключевые слова: конфессиональная политика, православие, Русская православная церковь, духовенство, Западная Сибирь, советская власть.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00023.

Сведения об авторах: *Дашковский П. К.* — д-р ист. наук, проф., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия); dashkovskiy@rnp.asu.ru | *Зиберт Н. П.* — канд. ист. наук, ст. преп., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия); zibert.natalya18@mail.ru

Алтайский государственный университет, Россия, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61

FOR CITATION

Dashkovskiy P.K., Zibert N.P. 'The Legal And Economic Situation of Orthodox Clergy in the 1930s in the South of Western Siberia', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 2, 2020, pp. 440–450. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.211> (In Russian)

Abstract: The Resolution "On Religious Associations" and other normative legal acts adopted by the Soviet government during the 1930s were aimed at the gradual destruction of religious life. This paper analyzes methods of work used by the Soviet state to prevent the spread of religious creeds in the West Siberian Territory, which negatively affected the position of the Orthodox clergy. In addition, the attitudes of various segments of the population to changes taking place in spiritual life are discussed. During this period, worshipers were subject to numerous compulsory fees and were involved in various labor duties. At the same time, the elimination of priests as a class was accompanied and complicated by numerous conflicts of priests and parish church councils, as well as with local authorities. A serious problem was the desecration of churches and the frequent theft of church property, which greatly complicated, and often made impossible, the holding of church services. The increase in retail prices in 1931 ravaged the parishioners of many churches and put worshipers in an extremely distressing situation. At the same time, the repression of clergy intensified, during which many were arrested and executed. The reduced number of clergymen threatened the functioning or even existence of many parishes in Western Siberia, and the intensification of persecution of clergy after 1937, along with the active closure of churches, led to the disappearance of the Barnaul diocese, with its territories becoming part of the Novosibirsk diocese by 1940.

Keywords: confessional policy, orthodoxy, Russian Orthodox Church, clergy, West Siberia, Soviet Power.

This research was supported by Russian science foundation (RSF), project no. 19-18-00023.

Authors: *Dashkovskiy P. K.* — Dr. Sci. in History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia); dashkovskiy@fn.asu.ru | *Zibert N. P.* — PhD, Lecturer, Altai State University (Barnaul, Russia); zibert.natalya18@mail.ru

Altai State University, 61, pr. Lenina, Barnaul, 656049, Russia

References:

- Arzumatov I. A. *Methodological concepts of religious policy of Russia in Eastern Siberia 18th–21st centuries* (Ulan-Ude, 2007). (In Russian)
- Bochkarev V., prot. 'Holy Martyrs Innocent and Nikolai: the experience of documentary biography', *Bogoslovskii sbornik*, no. 1, 2005. (In Russian)
- Burik N. M. 'The image of a priest on the pages of Barnaul newspapers on the eve of the First World War and in the first decade of Soviet power', *Aktualnye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzgliad molodykh uchenykh*, ed. by R. E. Romanov. (Novosibirsk, 2011). (In Russian)
- Directory of administrative and territorial changes in Altai. 1917–1980*, comp. by T. M. Kalnaya (Barnaul, 1987). (In Russian)
- Eshmatova G. B. 'Repressions against worshipers in Altai in the first years of Soviet rule', *Narody i religii Evrazii*, no. 2, 2018. (In Russian)
- Khudoborodov A. L., Iashina M. A. 'Repressive policy of the Soviet state in relation to the Russian Orthodox Church (1920–1930s)', *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Sotsialno-gumanitarnye nauki*, no. 30 (247), 2011. (In Russian)
- Kozlov F. N. 'The closure of churches as an element of state anti-religious policy in the late 1920s — early 1930s (based on materials from the national republics of the Middle Volga)', *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 1, 2014. (In Russian)
- Kozlov F. N. *State — church relations in 1917 — early 1940s in the national regions of the USSR (for example, the republics of Mari El, Mordovia and Chuvashia)* (Moscow, 2017). (In Russian)
- Kreydun Yu. A. *Temples of Gorno-Altai and its suburbs in the 20th — beginning of 21st century* (Barnaul, 2010). (In Russian)
- Kuznetsov I. S. *On the way to the "great turning point". People and customs of the Siberian village of the 1920s* (Novosibirsk, 2001). (In Russian)
- Marchenko A. N. 'The material situation of the Orthodox clergy in Russia in 1918–1957', *Rossiiskaia istoriia*, no. 4, 2008. (In Russian)

- Odintsov M. I. *The Russian Orthodox Church on the eve and in the era of Stalinist socialism. 1917–1953* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Ovchinnikov V. A. 'On the issue of periodization of the history of the Russian Orthodox Church in Siberia in the Soviet period (1917–1991)', *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Istorii. Istoricheskie nauki*, no. 1. 2015. (In Russian)
- Poklonov V. V. 'The defeat of the counter-revolutionary insurgent church-monarchist organization by the organs of the OGPU in 1933. Based on the materials of criminal case no. 15 "On repressions against Orthodox clergy and believers in Altai"', *Makar'evskie chteniia*, ed. by F. I. Kulikov (Gorno-Altaiisk, 2016). (In Russian)
- Soskovets L. I. 'Parish clergy of Western Siberia in the post-war period', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 276, 2003. (In Russian)
- Soskovets L. I. Religious denominations of Western Siberia in the 40–60s (Tomsk, 2003). (In Russian)
- Starukhin N. A. 'Belokrinitsky consent in Altai: Barnaul Holy Cross Exaltation Church', *Starobriadchestvo: istoriia i kultura*, ed. by L. S. Dementieva (Barnaul, 1999). (In Russian)

Received: January 19, 2019

Accepted: March 5, 2020